

«Секта» как слово и термин

Социально-политические явления 80 – начала 90-х годов XX века не только дали толчок духовному пробуждению людей на постсоветском пространстве, но и породили массу связанных с этим проблем. Отмеченный период характерен возрождением традиционных религий и появлением новых религиозных учений. И если в европейских странах и США это явление зафиксировано с 50-60-х годов XX в и уже достаточно изучено специалистами, то для нашей страны оно, в определенном смысле, стало неожиданностью. Отечественное религиоведение, много лет дремавшее в коконе «научного» атеизма, оказалось не готово переварить нахлынувший на него поток новой информации и первое время вынуждено было пользоваться стереотипными атеистическими категориями и терминологией.

Одним из таких терминов, использовавшихся для обозначения новых для России религиозных движений, стало слово «секта». Следует отметить, что этот термин (в основном с подачи СМИ) в общественном сознании объединяет в себе самые разные смыслы: это и некая группа людей, следующая какому-либо учению (чаще – непонятному отдельным лицам или большинству), и содержание самого учения, и противники господствующей или преобладающей конфессии или политической линии или партии, и даже замкнутый в себе человек («сектант») и т.д.

Анализ имеющихся в распоряжении авторов словарей показывает, что за прошедшие тысячелетия объективных критериев для определения понятия «секта» так и не выработано. Например, «Словарь античности» (М:СП «Внешсигма», 1992.-С.515) определяет секту следующим образом: «Секта» (от лат. sequi- следовать) — группы, отделившиеся от крупного течения и следующие за собственным вождем или исповедующие новую идею». Далее этот же словарь говорит, что в античной Греции секта первоначально означала философскую или юридическую школу или группу, затем – политическую группировку (у Цицерона). Впоследствии церковь придала этому термину значение «ересь». Словарь же «Христианство» (М: «БРЭ», 1995.- Т2.- С.534) утверждает, что между «сектой» и «ересью» имеется разница, заключающаяся в том, что секта – совокупность людей, следующих известному учению, а ересь – содержание самого учения. В то же время, между сектой и вероисповеданием резкой разницы нет: «секта» есть вероисповедание, которому следует сравнительно небольшое число лиц.»

В Вестминстерском словаре теологических терминов (М: «Республика», 2004.-С.360-361) секта определяется как «социологический термин, часто

противопоставляемый церкви. Секта – это группа людей со свободным членством, отличающаяся своими взглядами и подчеркивающая свое отделение от мира и господствующих институтов».

«Новейший энциклопедический словарь» (М: Аст-Астрель-Транзиткнига, 2004.-С.1119) заявляет, что к сектам относятся «протестанты (! – А.П.), адвентисты, баптисты, духоборы, молокане, пятидесятники, хлысты и др.» (понятно, что автор данного определения далеко не религиовед).

Неопределенность и субъективность данного понятия отчасти раскрывает вышеупомянутый энциклопедический словарь «Христианство» (Сс.534-535): «На официальном языке в эпохи революционной борьбы одна и та же община называется то сектой, то церковью или исповеданием, смотря по отношению к ней правительства».

Подобная понятийная неопределенность провоцирует умственные спекуляции и прямые злоупотребления со стороны противников какой-либо социальной, политической или религиозной группы. И чем менее понятен термин, тем более успешно его используют, поскольку отсутствие понимания компенсируется эмоциональной сферой – страхами и, как результат – негативным отношением.

За последние 15 лет термин «секта» столь разнообразно и бесконтрольно применялся СМИ, новоявленными «религиоведами» (из бывших атеистов) и даже правительственными чиновниками, что это стало угрозой стабильности межконфессиональных отношений. Поэтому в целях сохранения общественного спокойствия государство вынуждено было принять соответствующие меры. Если ранее отдельные законодательные (а чаще — подзаконные) акты использовали термин «секта», то с 1997 года он был полностью исключен из нормативно-правового оборота.

В 1996 году в своем ответе на запрос религиозной организации по данному поводу, Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций констатировал: «В законодательстве Российской Федерации понятия «секта» и «тоталитарная секта» не используются. Правового значения данные понятия не имеют.»¹

В феврале 1997 г. главный редактор журнала «Филологические науки» профессор МГУ П.А.Николаев опубликовал свое заключение по термину «секта». Проведя его семантический анализ, он сделал следующие рекомендации: «Всегда, изначально слово «секта» имело отрицательную коннотацию, в том числе по отношению к религиозным движениям, религиозным меньшинствам. В связи с этим понятие «секта», «сектант» может

¹ Крылова Г.А. Свобода совести на весах правосудия.- М: 1998.- С.247

восприниматься как оскорбительное членами религиозных организаций. В официальной лексике предпочтительно и правильно употреблять понятие «религиозная организация», «религиозное объединение», и «член религиозной организации» как имеющее нейтральное смысловое значение».²

И, наконец, в решении Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ от 12 февраля 1998 г. по делу Свидетелей Иеговы сказано: «Судебная палата также отмечает, что в законодательстве Российской Федерации не существует такого понятия как «секта». В то же время данный термин в силу сложившихся в обществе представлений несет безусловно негативную смысловую нагрузку и, употребляя его, журналисты могут оскорбить чувства верующих».³

Несмотря на такие авторитетные заявления, «секта» продолжает гулять по страницам СМИ, телепрограммам, официальным документам, причем, в своем подавляющем большинстве, применительно к любым религиозным объединениям, не являющимися православными, обнаруживая, таким образом, вполне узнаваемую тенденцию. Более того, в 90-х годах прошлого века к этому злополучному слову некие борцы «за чистоту веры» добавили прилагательное «тоталитарная». По-видимому, авторы взяли его из словосочетания «тоталитарная культура», которое, в свою очередь, явилось производным от понятия «тоталитаризм», «тоталитарный режим». Ход был рассчитан точно и безошибочно! Что такое тоталитаризм россияне знают не понаслышке и применение этих слов вызывает у них совершенно конкретные ассоциации, причем однозначно негативные. Достаточно процитировать характеристику тоталитарной культуры, данную в словаре «Культурология. XX век» (СПб.: Университетская книга, 1997.- С.474), чтобы стала понятна логика «борцов с сектантством»: «Тоталитарная культура отличается жесткой управляемостью сверху и опорой на массовый, аффектированный энтузиазм снизу; политико-идеологической заданностью, клишированностью форм и апелляцией к простейшим архетипам архаического (мифологического) сознания... держится на пропаганде монополизированной партийной идеологии, военизированном жестком «порядке» и апологии «силы», а также преувеличенной роли гос. «тайны», необходимости «охранять» ее от посягательства многочисленных внешних и внутренних «врагов» (государства, нации, народа, политического строя). Особенно эффективно т.к. выполняет эту функцию в чрезвычайных ситуациях, которые сама же она и моделирует, поддерживая напряженную атмосферу «осажденной крепости» в отношениях с внешним, враждебным

² Там же, Сс. 248-249

³ Там же, Сс. 258-261

миром, а внутри страны нагнетая нетерпимость к любой «инаковости» (в поведении, деятельности, мыслях)...».

Именно такая (слово в слово) характеристика «сектам» дается в публикациях, телепередачах, речах «антисектантов», достаточно лишь заменить слово «культура» на слово «секта». (На самом деле, данное определение вполне подходит к самим противникам «инаковерия», когда представители последнего используются в качестве тех самых «врагов».)

Как мы видим, русский язык (как, кстати, и другие языки) дает неисчерпаемые возможности придавать различные смыслы и оттенки одним и тем же словам в зависимости от желания и добросовестности говорящего. Однако всякое слово имеет свою изначальную семантику, которая требует более осторожного с ним обращения.

Попробуем с этой позиции еще раз исследовать слово и термин «секта».

Общеизвестно, что современное слово «секта» восходит к латинскому слову «secta», которое, в свою очередь, обозначает отдельное религиозное или философское направление – школу, религиозное течение в рамках того или иного исповедания, а в наиболее обобщенном значении может обозначать «часть целого». Помимо перечисленных основных значений, Словарь церковной латыни фиксирует и такое непривычное для русскоязычного читателя значение этого слова, как «образ жизни».⁴ Из значения латинского слова «secta» следует, что поскольку его определение не содержит оценочно-экспрессивных компонентов, оно должно восприниматься нейтрально в оригинальном языковом контексте. И действительно, в подтверждение этому тезису можно выдвинуть ряд аргументов. В рамках данной статьи достаточно ограничиться тем обобщением, которое делает проф. А.Ю.Григоренко, аргументировано утверждая, что «Никакого негативного значения это слово первоначально не имело. Именно по этой причине многие исследователи, ученые, теологи как на Западе, так и на Востоке, не вкладывая в понятие «секта» негативного значения, широко его используют, обозначая им «учение», «школу» или «стадию» в рамках магистрального религиозного течения или направления».⁵

Сравнивая значения латинского слова, можно установить то общее, присущее всем аспектам его семантического поля, что позволяет рассматривать данное слово как единый элемент латинской семантики, именно многозначное слово, а не то явление, которое лингвисты определяют как омонимию, т.е.

⁴ Leo F. Stelten. Dictionary of Ecclesiastical Latin. Hendrickson Publishers. 1995. P.242

⁵ А.Ю.Григоренко. Эсхатология, миллениаризм, адвентизм: история и современность. Философско-религиоведческие очерки. СПб, 2004 г. С.8-9

существование в языке нескольких слов, совпадающих в написании и произношении, но обладающих различными значениями. По нашему мнению, все перечисленные значения объединены тем, что семантика каждого из них включает элемент обособления, который проявляется через противопоставление или сопоставление части и целого. Именно такое обособление позволяет рассматривать и философскую школу, и религиозное течение, и, даже образ жизни, как некую социальную реальность, обладающую более или менее сформировавшимися общественными границами. Таким образом, в значении латинского слова «secta» представлено указание на набор неких уникальных признаков, характерных только или преимущественно для части общества, причем части, обладающей определенной самостоятельной завершенностью.

Поскольку в современном российском обществе проблема значения и оценки слова «секта», ставшего в современном русском языке не только частью общеупотребительной лексики, но и религиозным термином, возникает, как правило, из-за различных межконфессиональных споров и взаимных претензий представителей христианских деноминаций, например – православных и протестантов, в качестве аргументов спорящие обращаются к авторитетным для всех христиан источникам — прежде всего, к тексту Библии. Однако вопрос о том, в каком смысле в Библии используется слово «секта» является не столько богословской, сколько лингвистической проблемой.

Латинская лексема *secta* неоднократно используется в латинском переводе Библии *Vulgata*, который авторизован именем Иеронима и со времени Триденского собора является нормативным для Католической Церкви. Поскольку данное латинское слово является полисемичным, то есть обладает рядом отличных значений, объединенных общими семантическими компонентами, для данного исследования является важным определить контекст использования слова *secta* в переводе *Vulgata*, учитывая то влияние, которое оказала *Vulgata* на развитие различных направлений в рамках Западного Христианства.

И так, лексема *secta* и производные от нее используются в *Vulgate* в Есф. 8:17, Деян.24:5, Деян.28:22, Гал.5:20.

В книге Есфирь латинский переводчик использует слово *secta* для описания распространения ветхозаветной религии в языческом окружении, указывая, что иудаизм принимали представители различных народов и религий, и учений. В данном контексте — *plures alterius gentis et sectae eorum religioni et caerimoniis iungerentur grandis enim cunctos iudaici* очевидно, что лексема «секта» и «религия» не противопоставляются, но сопоставляются для того, чтобы подчеркнуть глобальный характер распространения Иудаизма. В этом

контексте слово «secta» используется для описания религиозной принадлежности принимающих иудаизм до их обращения, для определения социальных связей бывших приверженцев малочисленных религиозных культов. Поскольку данное слово представлено в ряду таких нейтральных понятий, как «народности» и «религии», а так же так как в данном контексте существительное «secta» не сопровождается экспрессивными эпитетами, представляется вполне очевидным, что данное слово не несет негативного смысла.

В латинском переводе Книги Деяний лексема «секта» употребляется два раза – в 24 и 28 главах. В Деян. 24:5 слово «секта» употреблено в контексте обвинений, которые были высказаны против Павла перед правителем Феликсом. Следует отметить, что данные обвинения носили как религиозный, так и общественно-политический характер: Павел обвинялся как в попытке возбуждения мятежа, так и в принадлежности к Назорейству. Именно назорейское религиозное направление в Иудаизме, в контексте данного обвинения, в латинском переводе обозначается словом *secta*. Греческий текст Книги Деяний, а соответственно и Синодальный перевод в данном отрывке использует производные от греческой лексемы «ересь», тогда как большинство современных английских переводов Библии, следуя традициям *Vulgate*, используют словоупотребления с корнем *sect*. Однако и в данном контексте, предметом осуждения со стороны гражданских властей является кажущаяся им опасность, исходящая из учения новой «секты», но не само «сектантство» как таковое.

В Деян. 28:22 данное слово применено для обозначения Христианства в контексте беседы Павла со знатными иудеями Рима. В этом употреблении лексема «секта» не имеет каких-либо выраженных экспрессивных оттенков значения. Из повествования следует, что собеседники Павла были заинтересованы получить от него достоверную информацию о новом христианском учении, незнакомом им и вызывающем их интерес. Несмотря на то, что римские иудеи были осведомлены о той религиозной и общественной полемике, которую вызвала в иудаизме проповедь Христианства, они не оценивают Христианство негативно, и так или иначе не настроены к нему враждебно.

Наконец, в контексте Гал. 5:20 лексема «секта» употреблена в контексте перечисления осуждаемых практик и поведений. В этом контексте данное слово обладает выраженной негативной экспрессией, и трактуется как предосудительное и вредное лжеучение – ересь, что, в определенном смысле

сближает контекстуальное значение слова «secta» с зафиксированным в Словаре церковной латыни значением этого слова — «образ жизни».

Таким образом, можно считать доказанным, что в латинском переводе Библии лексема «секта» употребляется в различных контекстах, как нейтральных, так и экспрессивных. В том случае, когда данная лексема употреблена в нейтральном значении, ее семантическое значение устанавливается как религиозное учение, разделяемое частью общества. В тех же случаях, когда слово «secta» в латинском переводе Библии используется для выражения негативной экспрессии, это связано с негативной оценкой самого содержания «сектантства», а не факта противопоставления части целому, одной традиции – другой.

Вероятно потому, что российское общество формировалось под значительным влиянием византийских религиозных традиций и до XVII века имела весьма ограниченные контакты с латинской религиозной литературой, словари фиксируют начало использования слова «секта» в русском языке только с XVII-XVIII вв. Казалось бы, никонианско-старообрядческая полемика создавала все условия для использования слова «секта» в полемической литературе, поскольку старообрядческий раскол сделал актуальным для российского религиозного сознания вопросы церковного единства, сущности и признаков церкви, вопросы оценки тех или иных отделившихся от церкви большинства населения сравнительно небольших религиозных течений. Однако, вероятно именно из-за ориентации на традиции византийского богословия, термин «секта» остается неизвестным православным и старообрядческим апологетам XVII века. Так, например, современник Петра I, епископ Пителир Нижегородский, один из наиболее последовательных и горячих полемистов со старообрядцами, кажется, вообще не знает термина «секта». Обвиняя своих оппонентов в расколе, в своем полемическом сборнике «Пращица» еп. Пителир характеризует их как «еретиков», «расколщиков», «кривотолков», а оформившиеся внутри старообрядчества течения называет «толками». Позднейший полемист, митрополит Григорий (1784-1860) в сочинении «Истинно древняя и истинно Православная Христова Церковь», посвященном также старообрядческой полемике, использует термин секта редко и как бы неохотно. Не определяя признаки сект, митр. Григорий только констатирует их появление «И у нас, в разных отделившихся от св. Церкви сектах, сперва появилось высокомерие, а потом возникло и утвердилось безначалие и самое гнусное самочиние».

Однако, так или иначе, к середине XIX века слово «секта» и производные от него прочно входят в русский язык и с тех пор регулярно фиксируются

словарями. Так, «Полный православный богословский энциклопедический словарь» посвящает «сектантству» достаточно подробную статью, которая определяет сектантство как «следование религиозному учению, отличному от принятого церковью». Сложностью данного определения является проблема конфессиональных оценок и самооценок, поскольку, определяя как сектантство все, что не попадает под определение «церкви», данное определение основывается на концепции церкви, которая имеет выраженный конфессиональный характер. Но, тем не менее, данное определение легло в основу определений слова «секта», которые приведены в специальных и толковых словарях. Так, например, можно привести определение слова «секта» согласно словарю проф. Ушакова «Секта – религиозное сообщество, состоящее из людей, отколовшихся от господствующей церкви и принявших новое вероучение», или определение из трехтомного энциклопедического словаря Христианство: «Сектой называется организованное общество людей, разномыслящих с господствующей церковью, но согласных друг с другом в религиозном отношении». Проблемой последнего определения является крайняя относительность приведенных критериев, поскольку статус «господствующей церкви» зависит от ряда исторических и геополитических условий. Например, если рассматривать религиозную ситуацию в Скандинавии, то малочисленные православные и католические общины в этих лютеранских странах будут обладать всеми признаками сектантства. Более того, едва ли не большей проблемой этого определения является невозможность его использования в условиях конфессионального многообразия при отсутствии и выраженной религиозной доминанты (напр. религиозная ситуация в США).

Несмотря на то, что изначально слово «секта» не обладало выраженным оценочным значением, следует признать, что в современном русском языке за ним усвоилась негативная экспрессия. Как правило, вне специальной литературы, в языковом общении сейчас слово «секта» и производные от него используются не только для определения той или иной религиозной общности, но для выражения говорящим негативной оценки чужого и чуждого ему религиозного опыта.

В чем причина этого? Вероятно, следует говорить о целом комплексе причин, обусловивших негативное восприятие слова «секта» в современном российском обществе. Прежде всего, следует учесть то влияние, которое оказывало на общественное сознание граждан Советского Союза атеистическая и антирелигиозная пропаганда, последствия которой еще продолжают действовать в современном российском обществе на уровне сформировавшихся стереотипов.

Кроме того, в начале статьи мы определили основой семантического единства латинского слова «secta» принцип противопоставления и сопоставления части и целого. В свете этого данная проблема является частью общей концепции социальной толерантности. Конфликт «сектантства», несущего в себе принцип обособления, становится противопоставление «частного» и «общественного», личностных и социальных ценностей, человека и общины. Западный мир, рецептировавший принципы личных свобод и индивидуалистической этики, поэтому же оказался и более толерантным к идеям религиозного диссидентства. Поэтому, как нам представляется, за отторжением «сектантства» как права на религиозное инакомыслие, коренится свойственное восточной ментальности предпочтение общественного частному, коллективных ценностей индивидуальным.

Поэтому априори образ «усредненного сектанта» для носителя современной русской языковой культуры выглядит устрашающим, или, в лучшем случае нелепым. Сформировались следующие отличительные признаки сектантства:

- фанатичность и враждебность по отношению к другим религиям,
- социальный изоляционизм,
- низкий культурный уровень и социальный статус.

Разумеется, ни один из перечисленных признаков не может быть положен в основу научного определения и осмысления этого явления. Представляется, что перечисленные признаки (их ряд может быть продолжен), не столько отражают внутренние закономерности развития религиозных движений, сколько проявляются в личной, персональной религиозности отдельных верующих, которых можно встретить во всех без исключения конфессиях. К сожалению, «сектант» в современном сознании это не только верующий, обладающий отличным от общепринятого религиозным опытом, но и человек, включенный в иную культурно-нравственную парадигму. Это – приверженец иных культурных ценностей и иных, чуждых большинству социальных идеалов. Тот радикализм, с которым «сектант» по общепринятым представлениям разрушает отношения традиционной религиозно-культурной парадигмы свидетельствует общественному сознанию о его неблагонадежности и потенциальной социальной опасности. Любопытно, что для подобного подхода является типичным не только изначальная оценка любого отличного религиозного опыта как нечто заведомо негативного, но и убежденность, что сектанты нацелены на низвержение традиционной религии и общественного согласия. Поэтому для традиционалистического восприятия «сектант» не только религиозный диссидент, но предатель коллективных и коллективистских ценностей;

подобное сознание зачастую не способно уловить различия между различными, зачастую диаметрально противоположными по взглядам и учению «секты», абстрагируясь от конкретных религиозных движений.

Поэтому нам представляется, что современное слово «сектант» как часть общеязыковой лексики имеет в своем значении выраженную негативную экспрессию, могущую быть оскорбительной для верующих и способствовать обострению религиозной ситуации.

Термин «секта» в современном религиоведении не имеет четкого определения, которое, судя по всему и не может быть выработано, поскольку отсутствуют объективные критерии и признаки «секты». Тем более прискорбно, что религиоведы повсеместно используют термин, фактически взяв его современное понимание из «кухонного» языка некоторых недалеких и недобросовестных журналистов.

Представляется, что данный термин (неизбежно, к сожалению) может оправданно с точки зрения терминологии использоваться только в конфессиональной литературе, и определяться в терминологических языках отдельных конфессий на основании соответствующих учений и практик.

К счастью, наблюдается и другая тенденция: часть ученых, сознавая объективную неопределенность термина «секта», старается не применять его в своих публикациях. Например, в томе «Религия» «Всемирной энциклопедии» (М.: Современный литератор, 2003), он отсутствует.

Авторы:

1. Прилуцкий Александр Михайлович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой истории религий и теологии РГПУ им. Герцена

2. Погасий Анатолий Кириллович, доктор философских наук, профессор кафедры религиоведения Казанского федерального университета.

Статья опубликована в № 1 журнала «Религиоведение» за 2006 г., стр. 164-170.

Статья в интернете: <https://www.about-dvorkin.ru/news.php?id=93327>